

*В истории культуры Аноним —
почти всегда женщина.*

Вирджиния Вулф

*Главный критерий оценки любого
общества — его отношение
к женщинам и девушкам.*

Мишель Обама

*Женщина должна писать самое себя:
должна писать о женщинах и привлечь
женщин к писательству... Женщина
должна вложить себя в текст —
как в суший мир и человеческую
историю...*

Элен Сиксу

Содержание

<i>Предисловие</i>	6
<i>От автора</i>	12
Основные действующие лица	18
Часть первая	21
Часть вторая	146
Часть третья	332
Слово напоследок	400
<i>Источники</i>	402
<i>Благодарности</i>	412

ПРЕДИСЛОВИЕ

Никто не знает — и никогда уже не узнает — точного числа людей, депортированных в Аушвиц* и погибших там в период между 1941 и 1944 годами; большинство исследователей сходятся на цифре примерно один миллион. Но Хэзер Макадэм знает наверняка, сколько именно женщин из Словакии ехало в первом «еврейском» транспорте, прибывшем в лагерь 26 марта 1942 года. Благодаря скрупулезной работе с архивными материалами и интервью с уцелевшими узницами, ей известно, что весной 1942 года без малого тысячу юных евреек — некоторым еще не исполнилось и 16-ти — насильно собрали по разным словацким городкам, заверив их, будто они всего на пару месяцев едут на «общественные работы» в недавно оккупированную Польшу. Вернулись лишь немногие.

Макадэм в своем исследовании отталкивается от списков из иерусалимского музея Яд Вашем**, от интервью, собранных в видеоархиве Фонда Шоа, от материалов из Национального архива Словакии, а кроме того, ей удалось разыскать нескольких бывших узниц, которые на тот момент еще были живы, и поговорить с ними, с их родственниками и потомками. В результате она сумела не только

* Немецкие купцы, а впоследствии нацисты называли Аушвицем и сам польский город Освенцим, в котором находился концлагерь. В этой книге Аушвиц используется как название лагеря, Освенцим — обозначение города. — *Прим. ред.*

** Музей в Иерусалиме; ивритское слово «яд» означает здесь «место памяти». — *здесь и далее прим. пер., если не указано иное.*

реконструировать жизнь и быт женщин из первого эшелона и их семей до депортации, но и детально воссоздать их повседневную жизнь в Аушвице, а для некоторых — и обстоятельства смерти. Находки Макадэм тем более впечатляют, что ее задача осложнялась отсутствием многих исторических документов, ей пришлось столкнуться с разными версиями имен и прозвищ, с разным их написанием, — и кроме того, после Второй мировой войны прошло уже слишком много лет. Как справедливо отмечает автор, писать о холокосте нелегко. Но, прибегнув к приемам художественного вымысла, вообразив и дописав отдельные сцены и диалоги, она смогла добиться в своей книге эффекта присутствия.

В феврале 1941 года «И. Г. Фарбен»* решил разместить один из своих крупных новых заводов по производству искусственного каучука и синтетического бензина рядом с Аушвицем. Это решение было обусловлено удобным местоположением лагеря: наличием крупного железнодорожного узла, ряда предприятий по добыче сырья, богатых водных ресурсов. Нацисты отвели Аушвицу свою роль в «окончательном решении еврейского вопроса» — он был не просто лагерем рабского труда, но и местом, оборудованным для оперативных массовых убийств и не менее оперативного избавления от тел. В сентябре 1941 года был проведен эксперимент, в ходе которого 850 узников были «успешно» умерщвлены газом «Циклон Б», производимым на основе синильной кислоты, и первый комендант Аушвица Рудольф Гесс разглядел в этом газе эффективный «ответ» на «еврейский вопрос». Лагерные медики заверили его в «бескровности» такого метода убийства, и он заключил, что газ оградит его подчиненных от неприятных травмирующих сцен.

* Крупнейший немецкий концерн, объединявший практически все основные химические и фармацевтические компании Германии. Тесно сотрудничал с нацистским правительством, активно использовал рабский труд узников концлагерей, где его специалисты также проводили многочисленные опыты на людях. В числе продуктов концерна — «Циклон Б», применявшийся для убийства заключенных в газовых камерах. — *Прим. пер.*

Но лагерь еще предстояло построить. Проект разрабатывал архитектор Ганс Штосберг. На прошедшей 20 января 1942 года Ванзейской конференции Главное управление имперской безопасности (РСХА) доложило, что оккупированные страны Европы, по его оценкам, могут предоставить в общей сложности около 11 миллионов евреев. И всем им, выражаясь словами шефа РСХА Рейнхарда Гейдриха, второго в иерархии СС после Генриха Гиммлера, «в ходе окончательного решения еврейского вопроса нужно найти наилучшее применение». Те, кто для работы слишком слаб, слишком юн или слишком стар, подлежали немедленному уничтожению. Заключение посильнее должны будут сначала отрабатывать, но потом, в свое время, все равно умереть, «поскольку те, кто прошел естественный отбор, при освобождении могут стать зародышевой клеткой для возрождения еврейского общества».

Словакия была первым государством-сателлитом, чьих евреев ожидала депортация. Она стала отдельной страной лишь в 1939 году, под протекторатом Германии; до этого, в течение более чем тысячи лет, являлась частью Венгерского королевства (а после окончания Первой мировой войны — Чехословакии). В своих отношениях с Германией она частично поступилась автономией в обмен на экономическую поддержку. Президент Словакии, бывший католический священник Йозеф Тисо, запретил все оппозиционные партии, ввел цензуру, сформировал националистическую гвардию и всячески разжигал антисемитские настроения, которые росли вместе с волнами евреев-беженцев, покинувших Австрию после аншлюса. Данные переписи показывали, что в стране проживает около 89 тысяч евреев, то есть 3–4 процента населения.

Приказ всем незамужним еврейкам в возрасте от 16 до 36 лет зарегистрироваться и явиться с вещами к пункту сбора поначалу никого особо не встревожил, если не считать немногочисленных прозорливых родителей, которые попытались спрятать своих дочерей. Более того, некоторые девушки сочли вдохновляющей идею поработать за границей — к тому же им пообещали, что они вскоре вернуться домой. Тем более жестоким оказался шок,

испытанный наивными в своей невинности девушками у ворот Аушвица: ведь подготовить их к грядущим ужасам было некому.

В тот же день в Аушвиц привезли 999 немцев из Равенсбрюка, который к тому времени был под завязку переполнен: в лагере содержалось 5 тысяч заключенных, и новых узников он принять уже не мог. Немцы прошли отбор на соответствие своим будущим функциям: им предстояло служить надзирательницами в рабочих бригадах евреек, занятых расчисткой территории, рытьем ям, перемещением грунта и стройматериалов, а также сельским хозяйством и скотоводством, освобождая рабочие руки узников-мужчин для выполнения более тяжелой физической работы по расширению лагеря. Выросшие в больших семьях в атмосфере любви и привыкшие к устроенной жизни и деликатному обращению, словацкие еврейки вдруг попали в условия, где на тебя орут, раздевают догола, налысо бреют, произвольным образом подвергают наказаниям, выгоняют на мороз, заставляют стоять на нескончаемых поверках, ходить босиком по грязи, бороться с другими узницами за пайки хлеба, работать до полного изнеможения, а нередко — и до смерти. Они голодны, больны, объаты ужасом. Комендант Гесс позднее напишет, что надзирательницы из Равенсбрюка «своей злобой, убожеством, мстительностью и развращенностью значительно превосходят коллег-мужчин». К концу 1942 года в живых оставалась лишь треть евреек с первого транспорта.

А сам Аушвиц продолжал расти. Туда по железной дороге свозили евреев со всей оккупированной Европы: из Франции и Бельгии, Греции и Югославии, Норвегии и позднее Венгрии. Темпы доставки постоянно увеличивались, доходя до трех составов за два дня, в каждом составе — 50 товарных вагонов, в каждом вагоне — по 80 и более узников. К июню 1943 года в лагере уже вовсю дымили четыре крематория, способные сжигать по 4736 тел в день. Большинство вновь прибывших целыми семьями, включая младенцев и маленьких детей, отправлялись в газовые камеры.

Те юные словацкие еврейки, которые на тот момент еще оставались в живых, превратились в закаленных телом и умом женщин, они продумали для себя стратегию выживания: кто-то

добровольно шел на самые отвратительные работы, а кому-то удавалось получить место в относительно безопасных швейных или фермерских бригадах, в лагерной канцелярии. Они овладели искусством не попадать в число ежедневно уничтожаемых узниц — «слабейших», тяжело заболевших или утративших способность к труду из-за истощения. Это были — пишет Макадэм — «качели выживания». Самым удачливым повезло устроиться в «Канаду», как узники в шутку называли склады имущества, отбираемого нацистами у привезенных евреев: тем разрешалось взять с собой из дома 30–45 кг имущества, которое, как они думали, сможет им пригодиться. Одежда, верхняя одежда, очки, посуда, медицинские инструменты, швейные машинки, обувь, наручные часы, мебель — огромные груды всех этих вещей попадали в целый комплекс сортировочных барачков, где посменно работающие бригады узников и узниц — тех, кто оказался удачливее или ловчее других, — непрерывно разбирали и паковали всё это для отправки в Германию. Согласно послевоенным оценкам, каждую неделю в Берлин уходило не менее двух тысячекилограммовых контейнеров с ценностями.

Семьи словацких евреек в течение долгого времени пребывали в полном неведении о том, куда увезли их дочерей. Немногочисленные открытки с зашифрованными сигналами в виде имен давно почивших родственников вызывали недоумение и зачастую выглядели столь странно, что многим родителям удавалось убедить себя: мол, дочери — в надежном месте, о них хорошо заботятся. Но время шло, страхи распространялись, а когда людей стали увозить целыми семьями, ситуация сделалась совсем тяжелой. В одном из самых душераздирающих эпизодов книги Макадэм рассказывает, как узницы с ужасом узнают во вновь прибывшей группе своих родных, прекрасно понимая, какая судьба ждет их родителей и братьев с сестрами.

Об Аушвице написано много: о борьбе за выживание, о тифе, о смерти в газовых камерах, о жутких и постоянно ухудшающихся условиях, о голоде, о жестокости, и Макадэм не отводит взгляд от этих кошмаров. Подобные книги чрезвычайно

важны: они напоминают современному читателю о событиях, забывать которые нельзя.

Прекрасно описана предыстория словацкой депортации: жизнь еврейских общин в довоенной Словакии, нарастающие репрессии против евреев, наивность семей, отправлявших дочерей на депортацию. Не менее выразительно автор передает и горечь, которую испытали немногие уцелевшие узницы, вернувшись в родные городки и обнаружив, что их родителей больше нет, их магазины заколочены досками, а их собственность и дома захвачены соседями. Около 70 тысяч человек, или 80 процентов от довоенного еврейского населения Словакии, погибли. Послевоенный однопартийный режим наложил запрет на какое бы то ни было обсуждение темы холокоста. Девушки с первого транспорта покинули свои дома в совсем юном возрасте. Три с половиной года спустя они вернулись женщинами, которые гораздо старше своих лет: слишком многое им довелось повидать, вынести и выстрадать. Уже один тот факт, что они сумели выжить, вызывал подозрения. Мол, как им это удалось? Что именно они сделали, на какие моральные компромиссы пошли, чтобы не погибнуть вместе с подругами?

В финале этой превосходной книги есть образ, который надолго остается в памяти. Одна из уцелевших юных евреек по имени Линда едет домой. Она вырвалась из Аушвица, пережила марш смерти, унесший многие жизни тех, кого не убил лагерь, а затем преодолела огромные, погруженные в послевоенную разруху и хаос пространства, постоянно рискуя подвергнуться изнасилованию, и теперь она, наконец, сидит на крыше медленно ползущего поезда, куда забралась, поскольку вагоны до отказа переполнены беженцами. Она оглядывает с высоты окружающий ландшафт, где нет ни колючих проволок, ни вышек, ни охранников с винтовками. И только тут осознает, что она свободна, а вокруг — столько свежей зеленой листвы... это весна!

Каролина Морхэд

ОТ АВТОРА

«Это теперь как мертвому припарки», — говорит по-немецки Ружена Грябер Кнежа. В трубке — треск. Мой муж, который в нашем разговоре за переводчика, пожимает плечами. На тот момент Ружена была единственной из еще живых узниц с первого транспорта, кого мне удалось разыскать; ее лагерный номер — 1649. За пару месяцев до звонка она с готовностью соглашалась дать интервью для моего документального фильма о первых аушвицких заключенных, но здоровье тогда помешало мне полететь в Швейцарию, чтобы с ней встретиться. А сейчас проблемы со здоровьем — у нее.

Я пытаюсь объяснить: мой главный интерес — поговорить с ней о Словакии, о том, как забирали ее и других девушек, как их предало собственное правительство.

«Мне не хочется перед смертью думать об Аушвице», — со вздохом отвечает она. Можем ли мы ее в этом винить? Ведь ей на ту пору было уже 92 года.

Я отправила Ружене благодарственную открытку, а потом нашла интервью с ней в Фонде Шоа* на немецком. Его можно перевести, но интервьюер из Фонда не задал ей вопросы,

* Видеоархив интервью с очевидцами холокоста (более 56 тысяч видеодокументов). Основан Стивеном Спилбергом в 1994 г. Часть финансирования составили кассовые сборы от показа его фильма «Список Шиндлера». Главный партнер Фонда Шоа с 2006 г. — Университет Южной Калифорнии, на территории которого Фонд располагается в настоящее время. — *Прим. пер.*

интересовавшие меня. Эти вопросы накопились у меня за годы, что прошли после работы с Реной Корнрах Гелиссен — узницей с первого транспорта, с которой мы больше четверти века назад, в 1992, написали книгу «Клятва». После выхода «Клятвы» меня стали находить члены семей других женщин с первого транспорта, они делились историями о своих двоюродных сестрах, тетях, матерях и бабушках, и у меня возникали новые и новые вопросы. Я снимала и записывала интервью с этими людьми, однако без живого общения хоть с кем-то из выживших узниц мои вопросы не получали ответов. Мне понятно стремление родственников оградить этих женщин (бывших узниц) от журналистского внимания: после трех лет ада в лагерях смерти, в столь преклонном ныне возрасте (за 90), кому хочется вновь переживать тот кошмар? Мне тоже не хотелось никого ранить своими болезненными вопросами, пробуждающими призраков прошлого.

Через год после телефонного разговора с Руженой я разослала семьям «второго поколения» электронное письмо с приглашением отправиться вместе со мной на мероприятия, посвященные 75-й годовщине первого транспорта, и повторить на поезде путь их матерей из Словакии в Аушвиц. Интерес проявили очень многие, но поехали мы в итоге небольшой группой, состоявшей из членов трех семейств: сыновья Эрны и Фелы Дрангер из Израиля (Ави и Акива), дочери Иды Эйгерман Ньюман из Америки (Тамми и Шарон вместе с детьми Тамми — Даниэллой и Джонатаном) и дочь Марты Ф. Гегор — Орна из Австралии. И вдруг, за пару недель до нашей встречи с остальными участниками, я узнаю, что в качестве почетного гостя на этих мероприятиях будет присутствовать девятиностодвухлетняя Эдита Фридман Гросман (№ 1970). Через несколько дней мы уже говорили с Эдитой по Фейстайму. Контакт между нами возник с первой же минуты, и Эдита сказала, что в Словакии с радостью встретится со мной и моими операторами. Прошло две недели, и вот мы сидим в номере старой советской гостиницы с обшарпанными белыми стенами,

и я задаю вопросы, которые нужно было задать Рене Корнрайх (№ 1716) 25 лет тому назад.

Эдита похожа на Рену: такая же энергичная, находчивая, остроумная. Маленький воробушек, одаряющий окружающих своей энергией. Время, проведенное нами вместе в Словакии, превратилось в вихрь событий: мы посетили бараки, где держали Эдиту и других девушек, станцию, с которой их депортировали. На мероприятиях по случаю годовщины мы познакомились с президентом и премьер-министром Словакии, с израильским послом, с детьми других выживших узниц. После слез и объятий группа «второго поколения», сопровождавшая меня, подружилась с семьями «второго поколения», живущими в Словакии. Под конец той недели мой муж сказал: «Тут документальным фильмом не обойдется. Придется писать книгу».

Писать об Аушвице непросто. Это не тот проект, за который берешься с легким сердцем, но, имея поддержку Эдиты, я решилась. Эта книга — не мемуары одной Эдиты, она посвящена всем женщинам с первого транспорта — точнее, тем из них, о ком удалось найти информацию. Я обнаружила, что в Канаде живет еще одна уцелевшая узница, Элла Рутман (№ 1950), и, решив свести этих двух женщин, отправилась в Торонто. Эдита и Элла помнили друг друга, но даже по прошествии стольких лет вели себя настороженно. Они заговорили по-словацки, и по ходу их беседы я поймала на себе страдальческий взгляд Эдиты. Теплой дружбы, которую рисовало мое воображение, не получилось, — как я поняла, в Аушвице Эдита Элле недолюбливала. Их встреча проходила в атмосфере неловкости, отчужденности — до тех пор, пока две эти пожилые дамы не принялись в лупу разглядывать свои номера на левой руке.

— Моего уже почти не видно, — произнесла Эдита, — совсем стерся.

Воспоминания тоже со временем стираются. Но правду найти можно всегда, если знаешь, где искать. Рассматривая

однажды старые фотографии Эдиты, я заметила на одной из них лицо Ружены Грябер Кнежи.

— Ты знала Ружену? — спросила я.

— А как же! — ответила Эдита, словно это разумелось само собой. — Мы учились в одном классе, а потом, уже после войны, близко дружили с ней и ее мужем Эмилом Кнежей. Он был писателем, как и мой муж. Мы навещали их в Швейцарии.

Круг замкнулся.

Многие из этих женщин были знакомы до Аушвица: жили в одном городке, ходили в одну школу или синагогу, но в интервью Фонда Шоа очень мало кто из них упоминает девичьи фамилии. Иногда рассказчица называет подругу детским прозвищем или просто описывает внешность, и из-за этого бывает трудно определить, имеется ли в виду та или иная девушка с первого транспорта. Интервью Марги Беккер (№ 1955) — один из редких примеров, где рассказчица почти всегда приводит полные имена девушек, с которыми она и Эдита вместе выросли, и Эдита сумела найти большую их часть на школьной фотографии. Пока я не увидела это фото, мне бы и в голову не пришло спросить Эдиту про Ружену, поскольку в списке депортированных рядом с именем Ружены указан другой город. Я и не знала, что в детстве она жила в Гуменне. Как жаль, что я не начала это расследование, когда они все еще были живы!

Я уже вношу последние правки в этот текст, когда компьютер издает звук, извещающий меня о новом письме.

«Моя бабушка была в первом транспорте. Я помню ее рассказы. Она написала книгу о депортации, но потом сказала, что ей никто не поверит, и выбросила ее. У меня сохранился первый лист ее истории. Ее звали Корнелия (Ниха) Гелбова, она из словацкого города Гуменне. Родилась в 1918 году».